

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.5>

Ефимушкин Павел Алексеевич

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1945-1957 ГГ.

Статья посвящена изучению материального положения православного духовенства в Тульской епархии в 1945-1957 гг. Автор определяет основные факторы, влиявшие на доход и материальное благополучие священнослужителей в регионе, анализирует меры, предпринимавшиеся священниками для улучшения своего положения, пытается выявить региональные особенности. Исследование основывается на отчетах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, богатых статистическими данными, а также подробным описанием частных случаев в жизни епархии. Работа отражает тенденцию развития региональных исследований, что позволит в дальнейшем сформировать более детальную картину положения Церкви в СССР.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 31-36. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1.
7. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения / отв. ред. В. В. Бедин. Л.: Наука, 1964. С. 227-246.
8. Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. М.: Институт истории АН СССР, 1976. С. 125-144.
9. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170-175.
10. Н-н. Опасность для переселенцев в Степном крае // Сибирские вопросы. 1907. № 8. С. 1-7.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 194.

REPRESENTATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT PROBLEMS OF THE STEPPES IN GOVERNOR GENERALS' REPORTS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Germizeeva Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Glazunova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in History
Omsk State Technical University
vika-germ@mail.ru; tanj-gl@yandex.ru

Relying on Governor Generals' reports the article reveals the specificity of socio-economic development of the Steppes, identifies the most relevant issues in this sphere. Special attention is paid to current problems – harvest failures, organization of public work, state of transport routes, development of industry and trade. The paper provides the results of the administration's efforts to solve the mentioned problems. The region's socio-economic development at the beginning of the XX century was largely determined by resettlement policy – new settlements appeared, the area of cultivated lands increased, commercial cattle-breeding developed.

Key words and phrases: The Steppes; Governor General; trade; economy; industry; Omsk; Governor Generals' reports.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 28.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.5>

Статья посвящена изучению материального положения православного духовенства в Тульской епархии в 1945-1957 гг. Автор определяет основные факторы, повлиявшие на доход и материальное благополучие священнослужителей в регионе, анализирует меры, предпринимаемые священниками для улучшения своего положения, пытается выявить региональные особенности. Исследование основывается на отчетах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, богатых статистическими данными, а также подробным описанием частных случаев в жизни епархии. Работа отражает тенденцию развития региональных исследований, что позволит в дальнейшем сформировать более детальную картину положения Церкви в СССР.

Ключевые слова и фразы: Русская православная церковь; Тульская епархия; приходское духовенство; государственно-церковные отношения; материальное положение священника; Церковь в СССР.

Ефимушкин Павел Алексеевич

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
efim-ushkin@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1945-1957 ГГ.

С начала 1990-х годов отмечается интерес исследователей-историков к изучению государственно-церковных отношений в СССР в послевоенные и хрущевские годы. Многие вопросы государственной политики в отношении Русской православной церкви были затронуты в рамках монографий протоиерея Владислава Цыпина [23], М. В. Шкаровского [25-27], М. И. Одинцова [16; 17], О. Ю. Васильевой [2; 3], протоиерея Алексея Марченко [15] и др. На данный момент растет число исследований, в которых изучена история Русской православной церкви в отдельно взятом или в нескольких регионах СССР [7; 19; 21; 24]. Это дало возможность исследователям сделать вывод об имевшей место существенной разнице в осуществлении церковной политики Советского государства в различных регионах. Однако все эти труды охватывают широкий спектр проблем, и пока не возникло серьезных тенденций к отдельному изучению узких вопросов в истории Церкви в XX веке, как, например, материальное положение приходского духовенства.

Не так давно у исследователей возник интерес к изучению материального положения духовенства в XIX – начале XX в., вследствие чего отечественная историография пополнилась значительным количеством статей по этой теме [1; 8-13; 22]. Примечательно, что большинство из них относятся к сфере региональных исследований. В то же время материальное положение духовенства в СССР в послевоенный и хрущевский периоды исследовалось лишь косвенно в рамках монографий по общей истории Церкви в Советском государстве [2; 3; 15-17; 23; 25-27]. Отдельно эта тема затрагивалась только в статье протоиерея Алексея

Марченко [14]. Такая ситуация наряду с растущей популярностью региональной истории обуславливает **новизну и актуальность** данного исследования.

Цель статьи – изучить материальное положение духовенства Тульской епархии с 1945 по 1957 гг., то есть с окончания Великой Отечественной войны и вплоть до начала хрущевской антирелигиозной кампании 1958-1964 гг., которая серьезно изменила устоявшуюся в послевоенные годы церковную жизнь. **Задачами** являются: выявление факторов, от которых зависел доход духовенства, анализ деятельности клириков, направленной на увеличение своего дохода, определение влияния материального положения священников на взаимоотношения друг с другом.

Потепление государственно-церковных отношений во время Великой Отечественной войны и после ее окончания существенно укрепило положение Церкви в атеистическом государстве. По всей стране стали открываться храмы и духовные учебные заведения, свободно проводились службы, организовывались крестные ходы, Русская православная церковь также активно восстанавливала свою экономику. Тем не менее это развитие поначалу мало затронуло рядовых священнослужителей, испытывавших много материальных трудностей со времен почти полного уничтожения церковной организации в 1920-1930-х гг.

В этих условиях православное духовенство с началом Великой Отечественной войны собирало деньги на строительство самолётов и танков, закупку амуниции, продукты питания и подарки солдатам, оказывало посильную помощь инвалидам войны и детям-сиротам. После 1943 года так называемые «патриотические сборы», организуемые почти в каждой епархии, стало контролировать советское правительство, превратив их в отдельную систему финансовых поступлений. Сборы осуществлялись как церквями, так и лично духовенством вплоть до 1947 года. После охлаждения государственно-церковных отношений сборы прекратились, более того, приходом было вовсе запрещено оказывать материальную помощь кому бы то ни было. Советское правительство, дабы компенсировать потерю поступлений в бюджет, обязало священнослужителей покупать облигации государственного займа на восстановление народного хозяйства [Там же, с. 108]. Священники, вносившие больше всего денег, отмечались отдельно, старые же облигации «добровольно» сдавались священниками в государственный банк [6, д. 6, л. 24].

Несмотря на данную нагрузку, одной из главных проблем большей части духовенства с самого начала рассматриваемого периода являлся чрезмерно высокий подоходный налог при низком годовом доходе. Каждый священник носил статус «некооперированного кустаря», или, проще выражаясь – частного предпринимателя. Еще в 1943 году правительством СССР было установлено: если годовой доход священника превышал 7 тысяч рублей, то он облагался налогом вплоть до 81% дохода, в то время как рядовые советские граждане облагались налогом до 13% [20, с. 276]. Необходимо отметить, что в то время практически у 90% священников годовой доход превышал 7 тыс. рублей. Такой высокий налог превышал даже процентную ставку обложения в 1920-1930-х гг., когда она составляла примерно 60-65% годового дохода [14, с. 107].

В 1943 году был создан Совет по делам РПЦ при СНК СССР, и в каждом регионе страны были размещены его уполномоченные, которые и регулировали жизнь Церкви в конкретной местности. С момента появления этого органа к уполномоченному по Тульской области ежегодно поступали десятки жалоб священников на переобложение налогом [6, д. 4, л. 7]. Основная проблема заключалась в том, что метод высчитывания дохода духовенства, от которого зависел налог, редко давал точные цифры. Доход высчитывался посредством изучения церковной документации, которую вели церковные исполнительные органы, и так называемых братских книг, куда духовенство обязано было записывать информацию обо всех совершенных ими требах и полученной плате [5, д. 917, л. 31]. На практике финансовые работники, высчитывавшие налог, не доверяли записям в братских книгах, подозревая священников в утаивании дохода, из-за чего книги часто игнорировались. Это давало возможность финотделам требовать со священника произвольную сумму, что зачастую и происходило. Также популярным способом поверхностного выяснения дохода духовенства был и устный опрос верующих в храме, по заказу которых священник совершал требы [Там же]. К примеру, в 1947 году настоятель церкви в с. Себино Епифанского района архимандрит Макарий (Кобяков) жаловался уполномоченному Д. Ф. Шаброву на финансовых работников: «...за похороны верующий израсходовал на покупку свечей 60 руб., венчик, молитвы – 40 руб., и дал священнику 100 руб. Итого 200 руб. Когда его [верующего] спрашивают, сколько Вы израсходовали на похороны, – он говорит, – двести рублей. Не вникая в существо дела, эту сумму и берут за основу при установлении дохода» [Там же, д. 209, л. 22].

Зачастую при проверках финансовые органы прибегали и к явно недопустимым мерам, например, врываются в храм, останавливая богослужение, заходили без разрешения в алтарь и т.д. [6, д. 6, л. 42]. Только за третий квартал 1947 года жалоб на слишком высокие налоги в селе поступило уполномоченному свыше десяти [5, д. 209, л. 22]. Причем все они подавались в устной форме. На вопрос уполномоченного, почему священники отказываются писать письменное прошение в финотделы на пересмотр дохода, последние отвечали, что «*подашь заявление, могут еще больше обложить*» [Там же, л. 9].

В условиях низкого дохода церковей и духовенства и повсеместной послевоенной бедности могли портиться отношения между священниками, назначенными на один приход. В 1949 году в Тульской епархии на 43 действующих храма приходилось 76 служащих священников и диаконов. Следовательно, доля церковей, в которых могло служить по два клирика и более, была немалой. В отчете за 1947 год уполномоченный Д. Ф. Шабров отмечал наличие конфликтов на материальной почве в тех храмах, куда назначался третий священник [Там же]. В 1950 году настоятель церкви с. Одоево Одоевского района, будучи в дружественных личных отношениях с инспектором местного райфинотдела Фалеевым, попросил его отобрать регистрационные

справки у двух других священнослужителей Одоевской церкви: священника Косилова и диакона Боброва. Это и было сделано, после чего о незаконном действии Фалеева уполномоченный сообщил в Облфинотдел для разбирательства [6, д. 14, л. 14].

Стоит отметить, что конфликты могли возникать не только на материальной почве, но и на идеологической, поскольку в одном храме могли бок о бок служить и обычные священники, и бывшие обновленцы, коих в Тульской епархии было много.

Говоря об объемах дохода духовенства, нельзя не обратить внимания на значительную разницу в сумме, которую получали городские священники против служащих в сельской местности. Из отчета уполномоченного за 1945 год известно об объемах годового дохода священников Всехсвятского кафедрального собора г. Тулы: «...доход последним на 1945 год установлен: священникам – Турбину, Глаголеву, Тихонову в сумме 132.540 рублей каждому, т.е. понижен против первоначально определенного в сумме 143.290 рублей на 10.750 рублей каждому и диакону Медведеву в сумме 88.362 рубля, против прежнего 95.530 рублей, понижен на 7.168 рублей» [Там же, д. 4, л. 8]. В соответствии с этим, всем четверым был перерасчитан и понижен налог: «...священникам Турбину, Глаголеву и Тихонову исключено подоходного налога на 6.799 рублей и военного налога по 1.794 рубля каждому, а диакону Медведеву исключено подоходного налога 1.539 рублей 20 копеек и военного налога 716 рублей 80 коп.» [Там же].

Примерно в то же время, в начале 1947 года, настоятель церкви с. Одоево Одоевского района священник Никольский сообщал уполномоченному, что в текущем году он уплатит налог суммой 7335 рублей [5, д. 209, л. 6]. Если представить эту цифру как условный максимальный налог в 81%, то получается, что суммарный годовой доход священника Никольского должен был составить примерно 9055 рублей. Соответственно, священник Никольский, уплатив максимальный налог, должен был иметь при себе сумму чистого дохода минимум в 1720 рублей в год или 143 рубля в месяц.

Упомянутый же настоятель Всехсвятского собора г. Тулы прот. В. Н. Глаголев в 1945 году, уплатив условный максимальный налог в 81%, имел на руках сумму примерно 25182 рубля, или 2098,5 рублей в месяц. Сравнив эти показатели, можно представить, в каком бедственном положении находилось сельское духовенство, учитывая, что цены на различные товары народного потребления в городской и сельской местности отличались незначительно [4, с. 109-110].

Вероятнее всего, многие сельские священники имели свои собственные хозяйства рядом с домом, которые позволяли им собирать свой урожай. Если своего хозяйства у сельского духовенства не было, выходом из ситуации могли служить пожертвования прихожан священнику продуктами. Хотя о таких случаях в Тульской области упоминаний нет, все же данная практика имела место по всему СССР, и подобные жертвования редко удавалось учитывать финансовым органам [14, с. 105].

Разницу в доходах духовенства замечал и уполномоченный Совета по делам РПЦ в Тульской области Д. Ф. Шабров. В отчете за 1947 год он писал: «В церкви 12-ти Апостолов г. Тулы предполагают иметь доход от 100 до 120 т.р. в год. В церкви Дм. Солунского г. Тулы 80-100 т.р. в год. Кое-кто нажил себе дома. Благочинный Глаголев В. Н. дом купил за 250.000 рублей и собирается купить легковую машину» [5, д. 209, л. 9]. Рассматривая же сельскую местность, уполномоченный отмечал, что настоятель церкви с. Велегож Заокского района А. В. Соколов имел доход в 10000 рублей в год [Там же]. Второй же священник данной церкви Лукьянов, видимо, не имея собственного хозяйства, ходил собирать по домам картошку «как нищий» [Там же].

Причиной такой разницы в доходах городских и сельских клириков, видимо, служила разная посещаемость церквей, от которой напрямую зависел доход священника. В Туле на всем протяжении рассматриваемого периода действовало 4 церкви, в малых городах, как правило, по одной, что должно было обеспечивать высокую посещаемость. В то же время посещаемость сельских церквей была крайне низкой. Если горожанам добраться до своих приходов не составляло труда, то сельским жителям было гораздо сложнее, учитывая, что расстояние до ближайшей церкви могло составлять более 15 км. Сельскому священнику, выезжавшему на требы, приходилось добывать транспорт, зачастую прося его у местных властей или председателей колхозов, которые далеко не всегда соглашались предоставить хотя бы лошадь [Там же]. Бывали случаи, когда сельские церкви, ввиду разрушенного состояния, не отапливались зимой, и их посещаемость резко падала [Там же, д. 661, л. 12]. Для священника такой церкви завышенный налог мог быть вдвойне пагубным.

Еще одним ударом по доходам духовенства (преимущественно сельского) стали незарегистрированные в Совете по делам РПЦ священнослужители, так называемые «нелегалы». На их деятельность официальное духовенство реагировало очень резко и писало жалобы уполномоченному [6, д. 14, л. 14]. Последний часто проводил беседы с нелегальным духовенством, призывая их зарегистрироваться и служить официально, однако это почти не давало результата. К административной или уголовной ответственности нелегальные священники, как видно из источников по Тульской области, не привлекались. Возможно, советская власть просто была заинтересована в существовании подобной конкуренции. В любом случае деятельность нелегального духовенства в конце 1940-х гг. была весьма популярной, если учесть также отсутствие для них налога. Так, например, в 1945 году незарегистрированный священник, инвалид войны Г. И. Алферьев высказывал лично уполномоченному мысль: «...невыгодно идти в официально открытую церковь, так как дают налоги, ибо, несмотря на указания правительства от знакомых служителей культа я знаю, что практика расходится с законодательством» [Там же, д. 4, л. 21]. В одном только селе Одоеве в 1947 году наряду с официально действующим храмом работали два незарегистрированных молитвенных дома [Там же]. Все это существовало при помощи верующих и зачастую по их же инициативе [5, д. 209, л. 7].

Еще одной из причин популярности «нелегалов» являлось и то, что в 1940-х гг. большинство законных священнослужителей Тульской епархии находились в преклонном возрасте. Чаще всего они по причине плохого здоровья или же препятствий со стороны местных властей не могли выезжать в отдалённые населённые пункты для исполнения треб. В таком случае деятельность незарегистрированных священнослужителей в этих местах становилась весьма выгодной как для самого нелегального духовенства, так и для многих верующих. Следовательно, служба нелегальных священников на местах могла беспрепятственно продолжаться вплоть до смены состава духовенства официальной Церкви более молодым и активным контингентом.

В начале 1950-х гг. в Тульскую епархию стали прибывать на службу выпускники семинарий, таким образом, контингент духовенства начал быстро омолаживаться. Следствием этого стало увеличение количества выездов священников к верующим на дом, более активная богослужебная и проповедническая деятельность. Это создавало серьёзную конкуренцию незарегистрированным священнослужителям, которых, как видно из отчётов уполномоченного этого времени, стало значительно меньше. Кроме того, веской причиной убывания нелегалов был и высокий возраст большинства из них [Там же, д. 1266, л. 7], однако полностью искоренить незарегистрированное духовенство ни светская, ни епархиальная власть так и не смогли, в результате чего их деятельность еще долго оказывала негативное влияние на положение официальной Церкви.

Все вышеперечисленные факторы, ставящие духовенство (особенно сельское) в довольно трудное материальное положение, вынуждали его прибегать к незаконным с точки зрения власти способам заработка, чтобы прокормить себя и семью. Самым распространенным из таких способов было утаивание дохода от треб, которые священник совершил на дому у верующего. Если священник не внес информацию о таких требах в братскую книгу, плата за них никем не учитывалась. Все суммы, указанные в братских книгах, отдавались духовенству, но утаенные от церковного совета и финансовых органов доходы не облагались налогом. Не исключено, что многие священники пользовались этим способом, однако сложно говорить об его эффективности. Часто у священников были сложные отношения друг с другом и с церковным советом, состоявшим из мирян, поэтому утаивание требовало излишней внимательности и скрытности. Рано или поздно эта практика обращала на себя внимание других священников (чаще городских), а через них – архиепископа и уполномоченного [Там же, д. 353, л. 10]. За этим следовала проверка сотрудников финотдела, которые в итоге произвольно пересчитывали налог. Из-за этого данная практика перестала быть популярной, однако не изжила себя.

В начале 1950-х гг. некоторые священнослужители Тульской епархии, страдающие от своеволия финансовых органов, изъявляют желание переходить на постоянный оклад. Фиксированность оклада оставляла неизменным и налог. Это было выгодно для духовенства, у которого в то же время оставалась возможность сохранять часть личных средств, полученных при исполнении треб. В свою очередь, переход священников на окладную систему часто не одобряла советская власть, видимо, потому что местная казна лишалась излишних налоговых поступлений. Также переход на оклады не одобрял и архиепископ, вероятно, под давлением уполномоченного [Там же]. По этим причинам переход на оклады не стал повсеместным, и многим священнослужителям по-прежнему приходилось вести борьбу с финотделами.

В 1953 году второй священник Троицкой церкви г. Белёва И. Д. Понятский жаловался уполномоченному на то, что его фактический доход составил 19 тыс. 743 рубля, в то время как финансовые органы определили ему доход авансом на 1954 год в размере 29 тыс. 791 рубля [Там же, д. 1157, л. 11]. Аналогичные жалобы подавались и другими священниками, в том числе и из областного центра [Там же]. Уполномоченный же считал, что священники, зарабатывая достаточно много, специально пишут эти жалобы, так как хотят *«жить роскошнее, чем они живут сейчас»* [Там же]. В то же время отмечалось, что многие священнослужители смирились с установленными налогами и выплачивают их беспрекословно [Там же].

Некоторые священники придумывали самые различные способы защитить себя от произвола финансовых работников. Так, например, в середине 1950-х гг. к священнику Михаилу Чудакову, служащему в Иоанно-Предтеченской церкви пос. Епифань, приехала комиссия из финотдела для проверки документов. При попытке обвинить клирика в том, что он скрывает часть дохода от треб, отец Михаил достал целую кипу записок, написанных обычными прихожанами по его просьбе. В них была указана информация о верующих, о совершенных требах и о плате, которую взимал или вовсе не взимал отец Михаил. При сравнении данных из этих бумаг с братскими книгами Епифанской церкви никаких расхождений финансовые работники (при личном присутствии отца Михаила) не обнаружили [18, с. 15].

В отчёте за 1951 год уполномоченный Н. Н. Князев писал, что у сельских священников, учитывая небольшую посещаемость церковей, исполнение треб на дому являлось основным источником их дохода [5, д. 787, л. 25]. Поэтому при посещении одного «заказчика» из числа верующих священник обязательно заходил к соседям, где также за деньги исполнял различные требы. В свою очередь, уполномоченный через местные органы власти старался препятствовать таким разъездам священнослужителей, чтобы уменьшить их доход и популярность [Там же].

Уполномоченный Н. Н. Князев отмечал, что духовенство стало активнее совершать требы и просить за них более высокую плату. Если раньше священники могли отказаться бесплатно служить требы, то *«сейчас не отказывают в этом, но убеждают, что деньги ему нужны не столько для существования самому, сколько для уплаты налога в финансовые органы»*. Кроме того, чтобы увеличить приток денежных средств, в храмах стали вывешивать больше кружек с надписями «на постройку голгофы», «на общую свечу», «на ремонт храма» и т.д. [Там же, д. 661, л. 13]. В то же время в отчётах появлялись сведения о священниках, которые отказывались ездить по домам в связи с тем, что оплата треб была крайне низкой и, возможно, не окупала затраты на дорогу и прочие расходы [Там же, д. 787, л. 25].

Московская Патриархия долгое время пыталась активно бороться с тяжелым материальным положением многих священников. В 1954 году после многочисленных писем патриарха Алексия в Совет по делам РПЦ последним было принято решение об обложении духовенства налогами по новым правилам. Священнослужители переходили из категории некооперированных кустарей в категорию лиц свободных профессий. Это означало, что если раньше духовенство облагалось по 19 статье Указа о налогообложении в СССР от 1943 г. (т.е. до 81% дохода), то теперь обложение шло согласно статье 18 того же указа (т.е. до 69%) [20, с. 276]. Но, как пишет Д. В. Поспеловский, это решение Совета по делам РПЦ было официально водворено в жизнь Советом Министров СССР лишь в 1981 году [Там же].

Однако ещё 1953 году, до принятия вышеуказанного решения, в отчёте уполномоченного по Тульской области появляется статистическая информация о доходах и налогах с церковных служащих, в том числе и духовенства. Согласно этой статистике, в 1951-1953 гг. средний подоходный налог со всего духовенства Тульской епархии на практике составлял 45-47% дохода. Это говорит об относительной мягкости налоговой политики в регионе. В то же время стоит отметить неумещающееся количество жалоб духовенства на переобложение их налогом, что может свидетельствовать о продолжающейся проблеме бедности духовенства. Вспоминая разницу в доходах городского и сельского священника, необходимо учитывать, что после уплаты налога даже в 45% оставшихся средств сельскому клирику могло не хватать.

Усиление антирелигиозной пропаганды в 1954 году нанесло удар по посещаемости церквей, так как многие верующие стали опасаться новых гонений. Уполномоченный по Тульской области Н. Н. Князев называл это «спадом религиозного психоза», появившегося ещё во время войны [5, д. 787, л. 22]. Невысокая посещаемость послужила причиной того, что доход ряда сельских церквей серьезно сократился. Настоятели таких храмов отказывались от вторых священников и диаконов, объясняя это тем, что доходы слишком плохие и даже один священник с трудом может прокормиться [6, д. 23, л. 14-15]. Видимо, даже эта мера наряду с частыми выездами на дом и вывешиванием дополнительных кружечек не могла спасти беднеющих священника и приход. Епархиальное управление своим собственным решением официально закрывало эти церкви, поскольку ни один священник не соглашался служить там [5, д. 1784, л. 2]. К концу 1950-х гг. в Тульской области были закрыты 7 церквей, и все по инициативе епархии [Там же], что само по себе является интересным фактом.

Таким образом, становится ясным, что материальное положение приходского духовенства Тульской епархии в 1945-1957 гг. складывалось, исходя из ряда факторов, а именно: местоположения прихода, количества прихожан, состава клира, возраста и активности священника, наличия «конкуренции» в виде нелегального духовенства, налогового законодательства и его практического исполнения сотрудниками финотделов.

Большинство этих факторов оказывало негативное влияние на священников, создавая им тяжелые условия жизни и вынуждая искать способы увеличения своего дохода. Часто это сводилось к банальным и иногда незаконным действиям, из которых самыми популярными были жалоба уполномоченному на переобложение налогом или утаивание своего дохода от финансовых органов и епархиального управления. Жалобы почти всегда оставались без ответа, а утаивание при раскрытии приводило к пересчету налога и санкциям со стороны епархиальной власти. В свою очередь, активное исполнение треб на дому и внимание к плате за них, а также попытка некоторых клириков перейти на фиксированные оклады, избавив себя от самовольности финотделов, встречали много препятствий со стороны советских властей, несмотря на свою относительную законность. Хотя все эти способы и были малоэффективными, их наличие говорит о том, что духовенство не смирилось со своим положением, а постоянный анализ личных доходов был неотъемлемой частью жизни священника.

Тем не менее в большинстве случаев священнослужитель по той или иной причине оставался бедным, что не могло не отражаться на взаимоотношениях клириков друг с другом. Наличие конфликтов в среде духовенства одного храма именно на материальной почве, безусловно, приводило к дестабилизации епархиальной жизни. Чаще всего местом конфликтов становились именно сельские церкви, доход которых был существенно меньше, чем у городских приходов. Присутствие двух или трех штатных священников на службе в одном храме создавало напряженную обстановку, в которой каждый из клириков мог подвергнуться со-блазну вести споры из-за заработка.

Явная разница в доходах городского и сельского духовенства также могла стать причиной разногласий между этими группами священников, хотя в отчетах уполномоченного прямого указания на подобные случаи и нет. Можно предположить, что, исходя из этой дифференциации, различались и способы увеличить доход у городских и сельских священнослужителей. По крайней мере, закрытие епархиальным управлением ряда сельских церквей говорит о том, что для многих сельских священников выгодность службы в городе была очевидной, несмотря на схожие условия церковной жизни и идентичные проблемы с советскими финансовыми органами. Помимо вышесказанного, будет интересным определить степень влияния образа именно городского священника на содержание советской антирелигиозной пропаганды, однако этот факт требует отдельного и более детального изучения двух групп священнослужителей.

Список источников

1. **Белоногова Ю. И.** Служба и материальное обеспечение приходского духовенства Московской епархии в начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви. 2007. № 3 (24). С. 54-78.
2. **Васильева О. Ю.** Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2001. 215 с.

3. **Васильева О. Ю.** Русская православная церковь и Второй Ватиканский Собор. М.: Лепта, 2004. 382 с.
4. **Великая Отечественная война:** юбилейный статистический сборник. М.: Статистика России, 2015. 190 с.
5. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. Р-6991. Оп. 1.
6. **Государственный архив Тульской области (ГАТО).** Ф. Р-3354. Оп. 1.
7. **Грашевская О. В.** Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940-1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области): дисс. ... к.и.н. Мурманск, 2005. 198 с.
8. **Ершов Б. А.** Материально-финансовое положение Русской православной церкви в губерниях Центрального Черноземья в XIX веке // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2011. № 2 (16). С. 52-56.
9. **Иконников С. А.** Роль попечительств о бедных духовного звания в материальном обеспечении православного приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 89-91.
10. **Иконников С. А.** «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви. 2018. № 81. С. 24-35.
11. **Ключарева А. В.** О материальном положении приходского духовенства в России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тульской епархии) // Тульский краеведческий альманах. 2006. Вып. 4. С. 49-55.
12. **Мангилева А. В.** Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. С. 153-161.
13. **Мангилева А. В.** Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 65-71.
14. **Марченко А. Н.** Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 годах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104-113.
15. **Марченко А., прот.** Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущёва и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2010. 328 с.
16. **Одинцов М. И.** Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 311 с.
17. **Одинцов М. И.** Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. М.: РОССПЭН, 2014. 425 с.
18. **Отец Михаил Епифанский. Книга очерков и воспоминаний:** в 2-х ч. Новомосковск: Изд-во Свято-Ильинского храма, 2007. Ч. 1. 68 с.
19. **Перелыгин А. И.** Русская православная церковь в Орловском крае (1917-1953 гг.): дисс. ... к.и.н. Орел, 2009. 236 с.
20. **Поспеловский Д. В.** Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 512 с.
21. **Прядкина О. А.** Взаимоотношения советского государства и Русской православной церкви в 1941-1954 гг. На материалах областей Верхнего Поволжья: дисс. ... к.и.н. Кострома, 2004. 276 с.
22. **Хубулова Д. В.** Материальное обеспечение православного духовенства Владикавказской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Школа молодых ученых. 2014. № 11. С. 34-39.
23. **Цыпин В., прот.** История Русской церкви 1917-1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
24. **Чурилина Т. И.** Отношения Советского государства и Русской православной церкви на Дальнем Востоке в период 1941-1964 гг.: дисс. ... к.и.н. Хабаровск, 2006. 237 с.
25. **Шкаровский М. В.** Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.
26. **Шкаровский М. В.** Русская православная церковь и советское государство в 1943-1964 годы. От «перемирия» к новой войне. СПб.: ДЕАН+АДИА-М, 1995. 216 с.
27. **Шкаровский М. В.** Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 гг. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1999. 400 с.

MATERIAL SITUATION OF THE PAROCHIAL CLERGY OF TULA EPARCHY IN 1945-1957

Efimushkin Pavel Alekseevich
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
 efim-ushkin@mail.ru

The article is devoted to studying the material situation of the Orthodox clergy in Tula eparchy in 1945-1957. The author identifies the basic factors that influenced the regional priests' income and material welfare, examines the measures taken by the priests to improve their material situation, analyses the regional peculiarities. The study is based on the reports of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, which are rich in statistical data and provide a detailed description of particular cases in the eparchial life. The paper represents the tendency of regional studies development, which opens the possibility for more detailed study of the Church's status in the USSR.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; Tula eparchy; parochial clergy; state-Church relations; priest's material situation; Church in the USSR.